

Хайнц Тиммерманн

ЕВРОПА – ГЕРМАНИЯ – РОССИЯ: ИМПУЛЬСЫ ДЛЯ ПАРТНЕРСТВА

Читатель, внимательно следящий за публикациями «Политики», мог убедиться в том, что наш журнал открыт для разных серьезно аргументированных точек зрения. В этом номере мы представляем возможность высказаться известному германскому политологу Хайнцу Тиммерманну, одному из немногих (к сожалению) основательных зарубежных знатоков происходящего в России.

Летом 1998 г. Россия попала в глубокий кризис, причем тяжелый финансовый кризис сопровождался политическим и государственным. Все это выглядело довольно неожиданным, так как предыдущее развитие позволяло подходить к оценке ситуации в этой стране с осторожным оптимизмом. После нескольких лет экономического спада в 1997 г. ельцинское руководство впервые смогло заявить хотя бы о скромном (0,4%), но все же росте в экономике, увеличивались и иностранные инвестиции. Представлялось, что так же, как до этого в Центральной и Восточной Европе, нижний порог экономической депрессии преодолен и намечился постепенный рост производства в некоторых промышленных отраслях. Интеграция России в мировую экономику, казалось, стимулирует эти тенденции, а вступление в силу соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским Союзом (декабрь 1997 г.) выглядело как важный сигнал к действию.

Следует ли нам теперь забыть обо всех этих позитивных моментах, должны ли быть принесены в жертву обоюдные стремления к более тесному политическому, экономическому и культурному единению Европы из-за того, что в России снова «смутное время»? Должны ли мы рассчитывать на возвращение назад в этой стране к планово-командной экономике, а также на новое отграничение от Запада? Или речь идет лишь о некоем преходящем явлении, которое хотя и создает серьезные проблемы для процесса трансформации, однако не меняет по существу избранной генеральной линии преодоления коммунизма?

Никто в настоящее время не может дать убедительного ответа на эти вопросы. Однако много говорит о том, что прерывистый процесс политики внутренних перемен продолжится в модифицированной форме, и Россия будет стремиться стать, по словам Б.Ельцина, частью «цивилизованного сообщества государств». Важным подтверждением является тот факт, что КПРФ, которая значительно укрепила свое влияние после кризиса, в декабре 1997 г. одобрила соглашение Россия – ЕС о партнерстве и сотрудничестве. По многим аспектам она в своем большинстве принадлежит к силам, поддерживающим государство.

Вследствие кризиса некоторые совместные проекты оказались замороженными, например, создание предусмотренной зоны свободной торговли Европейский Союз – Россия. Согласно общим прогнозам, Россия перейдет к усилению контроля над движением капиталов, а также над экспортом и импортом, чтобы надежнее защитить свои финансы и рынки

от внутренних получателей высоких доходов и внешних конкурентов. В сущности, однако, в ухудшившихся экономических и финансово-политических условиях и при изменении расстановки властно-политических сил Россия по идее должна стремиться строить более тесные партнерские отношения с Европой и не создавать новых препятствий на пути расширения Европейского Союза.

С точки зрения России именно европейцы являются особенно перспективными партнерами: после тяжелого финансового и экономического кризиса все более увеличивающаяся часть политической элиты рассматривает регулируемую государством и социально ориентированную европейскую модель рынка как более подходящую для России, чем американская модель неограниченного капитализма. Это ясное концептуальное обращение к Европе может быть связано с тем, что европейцам легче понять намерения российского руководства привести коррекцию прежнего курса трансформации в направлении усиления государственного регулирования.

Образцовые реформы Петра I

Когда в октябре 1997 г. российский премьер-министр В. Черномырдин посетил Нидерланды, он, естественно, вспомнил о времени пребывания там Петра I как периоде совместной голландской и русской истории. Однако обращало на себя внимание вовсе не это. Куда более интересным оказалось то, что именно расхваливал Черномырдин в личности царя. Он превознес царя как великого реформатора, который открыл отсталую Россию Европе, вывел ее на путь прогресса и превратил в великую державу. Сегодня, как заявил Черномырдин, речь идет о весьма сходном процессе – на основе соединения западных ценностей и русских традиций попытаться продолжить осуществление радикальных преобразований, нацеленных на создание эффективного рынка и развитого гражданского общества. Выдающийся урок петровских реформ заключается в том, что они создали в России необходимые предпосылки для успешной деятельности западных деловых людей и внедрения разнообразных «ноу-хау». Похвала Черномырдина, разумеется, относилась к стране, в которой молодой царь Петр получил свое образование, – к Голландии. И прежде всего превратилась в своего рода символ, отражая стремление значительной части российского руководства особенно выделить *европейское* направление в своей политике открытости внешнему миру.

С недавних пор эта тенденция нашла реальное выражение в современной российской политике. Ее воплощением стали двусторонние встречи Б. Ельцина с главами государств и правительств все большего числа государств Европейского Союза, признание российским президентом важного значения Совета Европы, встреча в верхах в Страсбурге в октябре 1997 г. (по словам Ельцина, представлявшая собой «инстанцию общеевропейского “Партнерства для демократии”»), наконец, утверждение соглашения о партнерстве ЕС – Россия (являющегося, по выражению тогдашнего министра иностранных дел

Е.Примакова, «мощным интеграционным механизмом»). Эту основополагающую линию не могли изменить отставка правительства В.Черномырдина и приход на пост премьер-министра С.Кириенко. Как показала практика, политику России определяют в большей степени конкретные группы интересов, нежели отдельные личности.

Проевропейская тенденция сочетается с прагматичной политикой Москвы по отношению к западным соседям: готовность прийти к согласию и урегулировать противоречия со странами СНГ (договор о дружбе с Украиной), поиск баланса в отношениях с некоторыми балтийскими государствами (соглашение о границе с Литвой), конструктивная вовлеченность в работу Советов Балтийского и Баренцева морей, а также подход к намечающемуся вступлению в ЕС центрально- и восточноевропейских государств, включая балтийские страны, как к важному вкладу в общее экономическое развитие Европы. В случае ожидаемого укрепления данных тенденций можно предполагать, что Россия будет вести в будущем более активную политику по отношению к до сих пор оставлявшимся ею без внимания государствам Центральной и Восточной Европы.

Соображения, по которым московское руководство в рамках своей стратегии «многополярности» все больше ориентируется на Европу, многообразны. Значительно упрощая, их можно свести к следующему: экономизация внешних связей при отходе от груза геополитических и геостратегических подходов, создание неформальных союзов против «однополяризма» США, защита от опасности быть отстраненными от процесса евроатлантической интеграции и смещенными в сторону Азии в связи с расширением ЕС и НАТО, использование потенциала развития таким образом, чтобы в ЕС не возникли опасения по поводу имперских амбиций России.

**От геостратегии
к
геоэкономике?**

С западной точки зрения наиболее весомой в московском пакете мотиваций представляется прагматическая откровенная позиция, связанная с экономизацией международных взаимосвязей России, «укрепление экономического вектора внешней политики» (Послание Б.Ельцина Федеральному Собранию от 18 февраля 1998 г.). Такой новый подход приводит к разрыву с унаследованными от прошлого приоритетами и сложившимся в те времена восприятием российских интересов. А это в свою очередь благоприятствует тому, чтобы Россия стала более правомочным, более подходящим по своим интересам надежным партнером Запада. Усиление европейской ориентации России вписывается в общую стратегию так, как это было зафиксировано в ельцинском проекте «концепции национальной безопасности» (декабрь 1997 г.).

Особенно следует выделить следующие пункты аргументации в этом проекте. Военная безопасность представляет собой ныне только один из аспектов национальной безопасности, причем не самый главный. По сути, угрозу внутренней безопасности следует искать в области политики, экономики, социальной сферы, окружающей среды, инфор-

мации и идейной ориентации. Это в своей основе соответствует принятому на Западе всестороннему определению безопасности. При отсутствии каких-либо серьезных угроз агрессии против России, как нам представляется, было бы безответственным не сконцентрировать национальные ресурсы для решения комплекса внутренних проблем. Такое смещение приоритетов повышает шансы Германии и других европейских стран выступить в роли успешных партнеров в деле трансформации и модернизации России.

И, наконец, для поддержания своего статуса великой державы в многополярном мире Россия обращается к «концепции» равноправного партнерства с другими сильными государствами. Такой подход логично объясняет цель полного членства России в тех международных организациях, которые занимаются коллективным управлением глобальными политическими, экономическими и связанными с политикой безопасности процессами. Придание особой роли торговле, научно-технической кооперации и финансам подчеркивает то значение, которое придается ельцинским руководством включению России в разделение труда в международном хозяйстве. Подобная стратегия совпадает со сходными стремлениями Германии и других европейских стран.

Главные пункты «концепции» возникли неслучайно. Они отчетливо свидетельствуют о том, что среди многих политических актеров, воздействующих на формирование международной политики России, заметное влияние приобрели мощные экономические и торговые группы: финансово-промышленные круги и руководство крупных банков, ориентированные на экспорт нефтяные и газовые компании с быстро развивающейся в сторону Западной Европы сетью трубопроводов, наднациональные конкурентоспособные предприятия оборонного, авиационного и космического секторов. Впервые в истории России экономические факторы получили в процессе принятия решений во внешней политике столь высокий ранг мотивации по отношению к геостратегическим или идеологическим. В качестве выигравшей стороны в переломный период в России эти группы не заинтересованы в стратегии размежевания или международных конфликтов. Напротив, для них путь к подъему России проходит в конечном счете через модернизацию и интернационализацию российской экономики, а это предполагает мирное международное окружение, равно как и партнерство с Западом. Эти группы стремятся использовать предоставившиеся в связи с открытием страны миру новые шансы вместо того, чтобы обращаться к прошлому Советского Союза. Главными в этой стратегии являются, среди прочего, равноправное партнерство в рамках «семерки/восьмерки» ведущих стран, вступление в глобальные и региональные экономические организации, доступ к западным финансовым рынкам, паевое участие в разработке стратегически важных источников сырья, создании предпринимательских групп и строительстве трубопроводов в СНГ, использование соглашения о партнерстве с ЕС для сотрудничества с этим наиболее мощным и заинтересованным в модернизации России институтом.

Союзников в деле открытости внешнему миру названные экономические и финансовые группы находят среди прозападно настроенных демократов (Г.Явлинский, Е.Гайдар) и все чаще среди региональных лидеров. Все они исходят из того, что во взаимозависимом и взаимопроницаемом мире следование своим особым путем является проблематичным и контрпродуктивным. Данное положение, которое могло бы привести к постепенной смене парадигм российской идентичности, особенно оправданно в тех регионах, которые ориентированы на экономические реформы и/или могут предложить сырье и необходимые для мирового рынка продукты. К таким регионам принадлежат Москва, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Нижний Новгород, Новгород Великий, Татарстан и Екатеринбург, все активнее налаживающие *собственные* внешние связи, особенно в торговле, с привлечением прямых инвестиций иностранного капитала посредством размещения облигаций. Это влечет важные последствия для России и международного сообщества. В будущем московско-центристский подход должен будет дополняться связями с развивающимися региональными центрами власти.

Разумеется, стратегия реформаторов не отличается прочностью и подвергается угрозе отката к традиционному великодержавному мышлению. К такому откату могли бы привести негативное воздействие на Россию потрясений на мировых финансовых рынках, конфронтация с Западом в иракском кризисе, конфликты по поводу второй волны вступления новых государств в НАТО. Реформаторы также не могут гарантировать беспроблемного партнерства Запада с Россией. По-видимому, трудностей следует ожидать в связи с укреплением в российской экономике олигархических конгломератов, частично сросшихся с госаппаратом, которые хотели бы ограничить деятельность западных конкурентов. Затруднения также могут возникнуть в связи с недостаточной осведомленностью российского руководства о характере интеграции Европейского Союза и вытекающим из этого взаимным недопониманием.

Следует отметить, что современная расстановка сил в российском руководстве предоставляет Западу возможность реально оценивать происходящее в этой стране и делать выводы: приобретение нового влияния проигравшими в период трансформации (к ним относятся радикал-коммунисты, крайние националисты, представители армии, военно-промышленного комплекса, госбезопасности, аграрного сектора и т.д.) сделали бы партнерство иллюзорным и в лучшем случае заменили бы его на полную конфликтов кооперацию. Поэтому поддержка реформистских сил – в интересах Германии и Европы. Как можно определить эти интересы?

Интересы Германии и ее партнеров

В будущем одной из наиболее важных задач западной политики в отношении России будет поддержка такой линии развития, которая удержит страну от скатывания к авторитарно-имперским методам правления и подчеркиванию своей «особенности» по сравнению с

«нормальным» европейским государством. Эта «нормальность» не означает стирания особых традиций, присущих той или иной стране. Ведь нации Западной Европы также и в ЕС сохранили свое политическое и культурное своеобразие. На основе этого главные интересы Германии и ее партнеров можно определить следующим образом.

Москва соблюдает демократический основополагающий консенсус в том смысле, в котором он зафиксирован, например, в договоре о партнерстве ЕС – Россия. К этому относятся нормы правового государства, соблюдение прав человека (включая права меньшинств), равно как и строительство многопартийной системы со свободными и демократическими выборами. Это было бы великим достижением, учитывая, что в прошлом России не только 70 лет коммунистической диктатуры, но и 700 лет господства авторитаризма. В качестве предпосылки демократических перемен Запад заинтересован в существовании стабильного российского государства, преодолевшего свою традиционную закрытость и ставшего на основе нового самосознания активным участником международной политики. От настроенной таким образом великой державы исходила бы гораздо меньшая опасность, чем от «великого бездержавия» России с ее потенциальным хаосом.

Заинтересованность Запада в существовании устойчивой государственной власти в России имеет также экономическое измерение: только сильное и эффективное государство может создать и поддерживать необходимую среду и механизмы, которые стимулируют внутренних и внешних частных вкладчиков делать крупные инвестиции. Шансы западных предпринимателей на увеличение экспорта в эту огромную страну возрастут в зависимости от того, как России удастся форсировать внутреннюю модернизацию и включиться с разнообразными экспортными товарами в мировую экономику. Это станет еще более осуществимым в том случае, если Россия последовательно продолжит свою политику активного вхождения в международные организации и укрепления внутри них партнерских отношений. При таком развитии событий Германия и ее европейские союзники будут заинтересованы в том, чтобы Россия как международный актер заняла место, соответствующее ее масштабам и значению.

И последнее. Отношения с Россией нельзя развивать за счет стран Центральной и Восточной Европы. В то же время партнерство с ней должно быть оформлено и проведено так, чтобы в связи с продвижением ЕС и НАТО на Восток оно содействовало восприятию и отношению к России как к неотъемлемой части Европы. Это уменьшит тревогу России оказаться изолированной и отграниченной от Европы. В то же время стратегия объединения, а не обособления повысила бы шансы привнесения в Россию европейских концепций и ценностей также и через находящиеся в закрепленных союзнических отношениях центрально-восточноевропейцев.

Последовательность политики в отношении России

Такое понимание интересов и расстановки сил дает возможность Германии и ее союзникам более ясно осознать, что в будущем Россию следует вовлекать в широкомасштабную совместную интегрирующую партнерскую стратегию в качестве равноправного и активного участника евро-атлантического процесса, в особенности путем последовательной реализации положений договора о партнерстве ЕС – Россия и основополагающего акта НАТО – Россия. Подобная стратегия перехода от кооперации к партнерству будет содействовать изменению характера отношений и одновременно создавать условия, при которых рецидивы обращения к неприемлемым методам проведения политики (например, война в Чечне) влекли бы собой значительные политические и экономические потери. В связи с этим необходимо отметить следующие моменты.

Восприятие ЕС. Европейский Союз будет и далее рассматриваться Россией почти исключительно как экономическое и торговое, а не как надрегионально действующее объединение с собственным возрастающим политическим весом. Характер интеграции и политическая направленность Союза будут в равной степени недооцениваться. Среди причин такого непонимания в особенности следует отметить стереотипы, сложившиеся на основе опыта СЭВ, в котором, по существу, не было подлинной интеграции, а существовал лишь иерархически скроенный под Советский Союз механизм межгосударственной кооперации; преобладание мышления в политических и военных категориях, а следовательно, недооценка исходящих из динамики интеграции возрастающих хозяйственных взаимосвязей; недостаточное внимание к совместной внешней политике и политике безопасности ЕС, которые по причине сложного процесса принятия решений и недостаточной компетенции в этом Москвы еще не воспринимаются всерьез. Постепенному изменению российского упрощенного подхода могла бы способствовать экономизация внешней политики России в том смысле, чтобы Москва признала, что ЕС следует рассматривать как сильнейшее мировое торговое объединение и политического игрока глобального уровня. Мощным импульсом для осознания этого российскими политиками станет введение евро как резервной валюты в конкуренции с долларом и насколько возможно быстрое внедрение евро в России и странах СНГ. Для этого существуют благоприятные перспективы, поскольку государства-члены ЕС являются наиболее важными торговыми партнерами (40%) и прямыми инвесторами (50%) в России. По оценкам западных экспертов, до сих пор торговля между Россией и ЕС составляет только одну треть от того уровня, которого можно было бы ожидать, учитывая уровень российского совокупного продукта и близость страны к рынкам ЕС. Уровень внешнеэкономической открытости и трансформации еще не привели к нормализации региональных торговых взаимосвязей России с ЕС, но их потенциал достаточно велик.

Перспективы членства в ЕС. Российские политики высокого ранга, включая Б.Ельцина, неоднократно ставили вопрос о полном членстве

России в ЕС. Поскольку подобная перспектива на обозримое будущее выглядит нереальной, следовало бы, исходя из политико-психологических соображений, по крайней мере в общем плане представить дело так, чтобы речь могла идти об ассоциации с этим союзом, оставляя, однако, Россию за порогом вступления в него. Это могло бы дать ей дополнительный стимул приспособить свою хозяйственную систему к принятым в ЕС стандартам, нормам и общим условиям существующей в странах ЕС политической системы. Европейцы должны оставить вопрос о потенциальном членстве России в ЕС открытым и вместо этого требовать прежде всего наполнить конкретным содержанием договор о партнерстве.

Совместные проекты. Германия и ее европейские партнеры справедливо чувствуют себя поверенными в вовлечении России в международные торговые и финансовые организации. Весьма перспективными в этом смысле выглядят различные формы практической кооперации, такие, как сотрудничество компаний Шелл и ЭНИ с Газпромом, проекты в области вооружений, в частности, по производству самолетов АН-70 и МИГ-29, планы строительства газового коридора Россия – Финляндия – Швеция – Германия. У Германии ключевые стратегические позиции в процессе интеграции российского газового монополиста – Газпрома – в европейский газовый рынок. Сосредоточение на экономических интересах способствует проведению Москвой мирной внешней политики и укрепляет осуществляющие ее политические силы. Интерес России в построении своего европейского направления будет возрастать далее через укрепляющиеся экономические взаимосвязи.

Центральная и Восточная Европа. Германия очень заинтересована в конструктивных отношениях между государствами Центральной и Восточной Европы и Россией. Последовательной, направленной на сотрудничество политики России в отношении государств данного региона еще нет даже в первом приближении. Именно с учетом предстоящих в перспективе расширения НАТО и ЕС Запад должен стимулировать обе стороны развивать сотрудничество друг с другом. Это предполагает, конечно, четко определенную политику России по отношению к этим государствам, в чем Москва должна быть поощрена. Сюда же следует отнести отчетливо выраженное дистанцирование от притязаний на гегемонию и господство, как и от связанных с этим репрессий советского времени, обусловленных, например, принудительным заключением договоров 1940 г. с балтийскими государствами. Московская политика должна включать в себя искренний отказ от стремления к тому, чтобы суверенные государства данного региона после их успешной борьбы за независимость вновь сделались объектами особых русских интересов и влияния.

Деятельность в регионах. Новым историческим явлением стало обретение собственного веса 89 субъектами Российской Федерации (21 республика, 66 административных единиц, города Москва и Санкт-

Петербург). Если во времена царистского авторитаризма и диктатуры КПСС для России была характерна централизованность, то начиная с 1990 г. развитие шло в направлении поиска фиксированного законом выравнивания интересов между центром и регионами. С тех пор, наряду с руководителями республик, стали избираться (а не назначаться президентом, как было прежде) также главы региональных администраций, тем самым самоопределение и саморазвитие регионов значительно усилились. Исходя из своих специфических интересов, региональные элиты являются скорее противниками конфронтационной внешней политики, поскольку она привела бы к ремилитаризации страны и вследствие этого к рецентрализации. Так как российские регионы завязывают отношения с различными частями мира, политика федеральных властей в будущем должна будет больше учитывать растущую международную взаимозависимость. На этом фоне западное содействие процессу трансформации в России будет оптимизироваться через еще большую концентрацию усилий на развитии регионов. Ввиду динамичного роста рыночных отношений в настоящее время важные импульсы для структурных реформ в экономике, для торговли и контактов с границей исходят из постепенно приобретающих собственное лицо регионов. Экономическое оздоровление субъектов федерации может поэтому привести к тому, что жители регионов будут все больше убеждаться в том, что западная поддержка представляет собой не только программу деятельности для «новых русских» в Москве. Когда западное содействие станет оказывать заметное влияние на отношение к жизни людей в провинции, они начнут одобрять реформы, и антизападная пропаганда не будет больше находить там благодатной почвы.

Культурные импульсы. При всех трудностях, с которыми приходится сталкиваться нашим странам, мы можем с удовлетворением констатировать, что политические отношения, экономические взаимосвязи и военная кооперация Германии и России развиваются в настоящее время достаточно активно. То же можно сказать и об определенной сфере сотрудничества неправительственных организаций и в особенности партнерстве более чем 70 городов-побратимов, что является скрепляющим фактором в процессе формирования гражданского общества и служит катализатором расширяющегося процесса реформ. И все же интенсивность отношений в сфере культуры не соответствует уровню, который должен существовать в отношениях между двумя добрососедскими нациями, тем более что в России и не в меньшей мере в Германии этот аспект рассматривается как важный показатель сближения народов. Интенсификация культурных связей, четко зафиксированная в договоре о партнерстве, свидетельствовала бы о том, что в отношениях европейцев с Россией речь идет не только о материальной культуре, но и об обмене идеями, духовными ценностями и произведениями искусства.

Новые поколения. Особенно важным было бы пробуждение и поддержка интереса молодого поколения к другой стране. Значительный

вклад в это могли бы внести децентрализованно организованные в городах и регионах немецко-российские молодежные общества (по примеру аналогичных институтов, созданных совместно с Францией и Польшей). Пока не ясно, станут ли подрастающие поколения, в особенности в Германии, придавать такое же значение отношениям между нашими странами, как и старшие, которые в хорошем (объединение Германии) и плохом (вторая мировая война и ее последствия) чувствовали себя тесно связанными с Россией. В России, в свою очередь, выходит на сцену поколение, сформировавшееся в условиях опыта открытости страны внутри и вовне (бывший премьер-министр С. Кириенко, например, 1962 года рождения). Это создает хорошие политические предпосылки для партнерства Россия – Германия – Европа.

**Перспективы:
что делать во
время кризиса?**

Экономический и финансовый кризис вызвал на Западе сомнения по поводу того, оправдают ли себя применявшиеся до сих пор подходы, координаты и перспективы в отношениях ЕС – Россия. Не несет ли и Запад ответственности за финансовую катастрофу, поскольку он настаивал на скорейшем открытии этой страны, а политика несвязанных с конкретными обязательствами кредитов и финансовой помощи имела следствием плохо функционирующую экономику и криминальные махинации? Будут ли при построении новых отношений в достаточной степени учтены исторически сложившиеся специфические условия России, например, тот факт, что в создании экономики и ее защите от внешнего воздействия государство традиционно играло важную роль? Нуждаются ли обе стороны в более длительной паузе для переосмысления, которая позволит России построить функционирующие институты, повысить их профессиональность и сконцентрировать собственные силы?

Обе крайности – как продолжение прежней линии, так и стратегия, согласно которой Россия должна быть предоставлена самой себе, – мало перспективны. Отказ от сотрудничества с Россией стал бы сигналом, что Запад уже утратил надежду на построение в этой стране современных государственных институтов, становящихся все более европейскими по своему предназначению. Это было бы на руку тем великорусским имперским силам, которые отстаивают моральную, политическую и экономическую «самобытность» России и на этой основе ведут борьбу с Западом. В таком случае Россия перестала бы быть активным, совместно с другими государствами, создателем общеевропейского нового порядка, конструктивным участником урегулирования кризисов на Балканах и в Ираке, необходимым партнером в текущих переговорах по разоружению (ОСВ, ОБСЕ) и даже, вероятно, перешла бы на другую сторону.

Напротив, экономический и финансовый кризис исключает неизменное продолжение унаследованной от прошлого политики: Запад поставлен перед необходимостью пересмотреть содержание и направление своей прежней поддержки России. Речь идет прежде всего, как уже упоминалось выше, о глубинном понимании намерения россий-

ского руководства обратиться к всестороннему укреплению государственного регулирования (оно, между прочим, было характерно для ФРГ, Франции и большинства других стран Западной Европы до 60-х годов и частично остается таковым до сих пор). Здесь следует ожидать в особенности переориентацию денежной политики на решение проблем экономического роста и социальных проблем, а также применения осторожного протекционизма и строгого контроля над вывозом капитала.

Исходя из этого понимания сути корректировок российского курса, европейцы могли бы модифицировать инструменты поддержки России и тем самым повысить их эффективность:

— экономическое содействие должно развиваться в рамках проектов, точные цели которых постоянно сверяются и подвергаются оценке. Именно Европейский Союз с его структурной и развитой региональной политикой располагает в этой области богатым опытом. Не могут ли быть перенесены и на Россию осуществляемые под смешанным руководством проекты, которые подходили бы к ее условиям?

— важнее, чем предоставление новых кредитов, была бы оказываемая через программу «Тасис» всесторонняя «интеллектуальная помощь», например, деятельность в России опытных менеджеров в различного типа предприятиях, хозяйственных и финансовых экспертов, специалистов в области налогов и управления. Например, в сфере банковского дела и банковского контроля, которые в России особенно неразвиты, Европейский Союз в процессе подготовки к введению единой валюты евро аккумулировал много знаний и опыта, которыми, возможно, могла бы воспользоваться как партнер и Россия;

— следовало бы подумать о том, не следует ли Европейскому Союзу активизировать свою деятельность в российских регионах? Предполагаемые к реализации проекты могли бы в таком случае стать более обозримыми с точки зрения контроля над их реализацией, собеседники, занятые в этих проектах, более идентифицируемыми, доступ к людям более непосредственным. Согласно оценкам экспертов, экономические и финансовые неурядицы центральных властей еще более подталкивают регионы к развитию собственных инициатив.

Так, ЕС в качестве влиятельного представителя Запада и в условиях кризиса может способствовать дальнейшему поощрению стремления к политической, экономической и духовной открытости, которое со времени окончания советской диктатуры в течение нескольких лет постепенно изменило российскую действительность. Это имело бы куда больший успех, если бы учитывались два обстоятельства. Первое: в партнерский диалог Россия – ЕС должны быть включены все серьезные политические силы этой страны. Сосредоточение внимания лишь на отдельной руководящей персоне или группе лиц может привести к недостаточной широте взглядов, ошибочным представлениям и просчетам. И второе: следует ясно представлять себе, что сторонники европейского направления в ЕС желают не просто «озападнить» Россию и ее вступления в Европу. Они также хотят, чтобы Россия

представляла собой независимый центр тяжести на евроазиатском пространстве. Они вовсе не думают о том, чтобы России уступила важную часть своего национального суверенитета какому-либо наднациональному объединению.

Итак, отношения Германии, Франции и Европы в целом к России как европейскому государству сами по себе сохранят особый характер, если они станут и далее укрепляться под знаком «тройки».

Перевод В.П.Любина